А.М. СУНГУРСКИЙ

ПРОБА ВОДЫ

А.М. Сунгурский

Проба воды

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Проба воды / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Продавец фильтров возвращается к Ольге Павловне с конвертом. Он готов отдать все двадцать восемь тысяч, оставить фильтр под мойкой и забрать один листок. На обороте — расчёт за шторы. На лицевой стороне — номер пробы.Лаборантка Нина Беседина узнаёт номер. В журнале указан резервуар, который по акту разобрали пять лет назад. Под актом стоит подпись её отца. Пока Ольга выясняет, у кого ещё выкупают бланки, Нина пытается попасть в старый ремонтный двор. Его собираются передать покупательнице в середине июня. До передачи Нине нужно увидеть, что осталось под навесом.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Деньги к обеду 5
Глава 2. Холодильник с доставкой 8
Глава 3. Номер на сгибе 12
Глава 4. Из старого шкафа 15
Глава 5. Кому положено 19
Глава 6. Чужой адрес 22
Глава 7. Второй экземпляр 25
Глава 8. Чужой винт 28
Глава 9. Мастер до шести 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

А.М. Сунгурский
Проба воды

Глава 1. Деньги к обеду

Человек с фильтром в прошлый раз коврик обошёл. Теперь он встал прямо на картонку с туфлями, которые Ольга Павловна выставила за дверь, чтобы выветрился клей. На каблуке остался отпечаток его подошвы.

— Вам куда удобнее получить деньги? — спросил он.

Из-за открытой двери соседней квартиры доносился звук работающей машинки. Соседка взялась подшить шторы к воскресенью и теперь шила у порога, пока муж вносил на кухню холодильник. День был обычный. Ольга Павловна всё же оглянулась на лестницу, прежде чем ответить.

— Я вам заплатила. Ещё во вторник.

— Вот ведь. Я и принёс обратно.

Молодой человек снял ногу с картона, поднял одну туфлю и поставил на соседнюю ступеньку. Правую. Левую оставил на месте.

— Все двадцать восемь, — сказал он. — Переводом или вот так, как вам удобно.

Он показал белый конверт с аптечным крестом. На отогнутом клапане с изнанки проступали буквы аптечного названия. Ольга Павловна подумала о холодильнике. До вторника деньги лежали на новый, потому что старый понемногу портил всё, что стояло у задней стенки. В четверг она отнесла к соседке молоко и два куска торта, сегодня утром забрала. В собственном холодильнике с прошлой ночи на нижней полке стояла миска с водой, а на задней стенке висела белая занавеска льда.

— А снимать когда будете?

— Пускай стоит. За работу с вас никто не возьмёт.

— И за фильтр не возьмёт, и за работу не возьмёт. Что случилось?

Молодой человек потянул молнию на ветровке вверх и сразу опустил её на прежнее место. В руках, кроме конверта, у него ничего не было. В прошлый раз весь прихожий коврик заняли его сумки. Тогда он назвался Денисом и спросил, сколько лет в квартире стоит кухонный кран. Ольга Павловна сказала, что ровно столько, сколько её муж лежит на кладбище. Денис помолчал. Потом попросил у неё таз под раковину и подвинул табуретку, чтобы ей можно было смотреть, что он делает. Из всех, кто приходил к ней что-нибудь чинить после Валеры, он первый догадался поставить эту табуретку.

— Мы бумаги перепутали, — сказал он. — Сейчас меняем по вашему подъезду. Я минуту у вас займу, если под рукой то, что вам оставили.

— Чек у меня в телефоне.

— Чек пусть остаётся. Тот листочек, где анализ воды.

Муж соседки двинул холодильник ещё на несколько сантиметров. На лестнице потянуло мокрой пылью, поднятой из-под его деревянного днища. Ольга Павловна представила, как ставит на новую полку кастрюлю и ей не надо выставлять впереди блюдце со вчерашней котлетой, чтобы котлета не примёрзла. Она едва удержалась, чтобы не спросить у Дениса, где Людмила такой холодильник купила.

— Сейчас принесу, — сказала она. — Туфлю уберите сюда, пожалуйста. Мне её издали плохо видно.

Он подвинул туфлю к порогу. Теперь отпечаток у него был перед глазами. Денис наклонился, поскрёб каблук ногтем и тёмную полоску только размазал. Ольга Павловна забрала обе туфли.

На кухне она вытащила из-под сахарницы листок с загнутым углом. На обороте Ольга Павловна записала, сколько должна Людмиле за занавески, ещё когда спросила, берётся ли та за чужие окна. Сумма теперь была зачёркнута. Людмила принесла шторы короткими, пришлось заказывать полосу и наращивать их. Требовать деньги за полосу Ольга Павловна не стала. Шторы всё равно получились хорошие. Если бы снизу было видно мебель, она бы попросила переделать.

Ей хотелось знать, какого цвета бумагу Денис выдаст взамен. Она взяла очки с подоконника и прочла номер в верхней части листа. Ниже стояли мелкие строки и слово «резервуар». Когда Денис пришёл устанавливать фильтр, это слово успокоило её. Из резервуара вода и впрямь идёт дальше по трубам, думала она тогда. Про их квартиру в том листке не было ни строчки, однако воду он велел до вечера не пить. Она послушалась. Внук после школы ждал у неё отца и отпросился в киоск за водой. Купить новую бутылку ему было в радость, а Ольга Павловна потом призналась сыну только насчёт фильтра. Как она испугалась навредить мальчику даже чашкой чая, ему знать было незачем.

Она отнесла листок в прихожую. Денис увидел его из-за порога и раскрыл конверт.

— Значит, взамен другой дадите? С моим адресом?

— Это мы чуть позже. Мастер распределит, когда у кого можно взять воду.

— У меня вы ещё не взяли?

Он достал деньги и положил их себе на ладонь. Ольга Павловна разглядела потёртый корешок верхней купюры. В прошлый раз он подождал, пока она сама откроет банковское приложение, хотя у неё дважды пропадала нужная кнопка. Сейчас держал наличные у неё на виду и не предлагал их пересчитать.

— Во вторник разве не брали? — сказал он.

— Вы стакан спросили. Попить. Я вам из чайника налила.

За его спиной Людмила позвала мужа, и он перестал двигать холодильник. Машинка пошла быстрее. Денис убрал купюры обратно. Он всё ещё смотрел в угол листка, где поблёскивал след от сахарницы.

— Значит, ещё проще, — сказал он. — За бумагу распишемся, и я ушёл.

Ольга Павловна протянула руку. Когда он приготовился взять лист, она сложила его пополам и убрала в карман фартука.

— Сначала вы распишитесь. Сколько вернули и за что. Папка с бумагами у вас в машине?

— Деньги я вам прямо сейчас отдам.

— Вот эту строчку и напишите.

Он посмотрел на обе двери. Из соседней комнаты Людмила попросила пятиться тихонько: у неё там иголки. Муж переступил через порог задом и подвёл холодильник вплотную к косяку. Проход на лестницу сузился. Денис прижался к перилам, чтобы пропустить Людмилу с подушечкой для игл. Ещё минуту назад они с Ольгой Павловной разговаривали одни. Теперь перед ним оказались трое, и все ждали, куда он денется с конвертом.

— Я вечером зайду, — сказал он.

— Вечером каблук высохнет. Мы тогда спокойно поговорим.

Он уже поднял руку, словно хотел махнуть на прощание, но сжал пальцы и спрятал конверт под ветровку. Людмила уступила ему полступеньки. На середине пролёта Денис обернулся.

— Вы никому этот листочек не давали?

— А что, за ксерокопию тоже деньги вернут?

Он постоял, держа ладонь на перилах. На рукаве ветровки у него разошёлся шов. Ольга Павловна увидела, что он сам сшил края через верх грубой серой ниткой, неровными стежками. Шов начинался точно и сбивался к концу, будто в последнюю минуту его позвали.

— Мне просто для отчёта, — сказал он и пошёл вниз.

Людмила закончила втаскивать холодильник и села отдохнуть на пороге. Ольга Павловна занесла свои туфли на кухню. Прежде чем вытереть с каблука грязь, она позвонила сыну. Тот сбросил вызов и написал, что перезвонит в обед. Тогда она раскрыла лист, навела на него телефон и сфотографировала сперва лицо, потом оборот со сметой Людмилы. Первый снимок вышел смазанный. Со второго можно было разобрать цифры.

В верхнем углу листа ничего не говорилось о загрязнении. Там стоял номер и после него слово «повтор». Ольга Павловна прижала бумагу сахарницей, глянула на каблук и записала на отдельном клочке, во сколько сегодня пришёл Денис.

Глава 2. Холодильник с доставкой

В субботу Андрей приехал с сыном, хотя Ольга Павловна готовила на двоих. Пришлось на ходу разрезать последний сырник. Она положила большую половину себе, и Сева это заметил.

— Я, если что, ел, — сказал он.

— Это у нас теперь называется «если что»? Как ты вчера с музыки ушёл?

Он сел напротив и принялся вертеть вилку, пока Андрей в прихожей разворачивал коробку с длинной белой надписью. Про музыку можно было рассказывать или нет. Ольга Павловна спросила только потому, что видела его вчера в окно в неположенное время. Шёл быстро, с поднятым к одному уху воротником. Валера так же ходил по двору, если нёс в кармане что-нибудь, что хотел показать только дома.

— У меня там накладка, — сказал Сева.

— Где именно?

— Пальцы не попадают. Надо до среды.

— А вчера до какого дня было надо?

Он отломил кусок сырника. Чтобы не отвечать, положил его в рот, потом отломил второй.

Андрей унёс коробку на кухню, вытянул из неё белый пластмассовый уголок с петлёй и подошёл к холодильнику.

— Купил? — спросила Ольга Павловна.

— На пробу дали. Со старого, из школы. Ты когда морозилку открывала, дверца сама доходила?

— Я её рукой закрывала. Чем ещё?

Он приложил уголок к нижней петле и потянул дверь на себя. Дверь отозвалась резиновым чмоканьем. Он присел, заглянул снизу, вторую руку тоже убрал за дверь. Ольга Павловна подняла со стола хлеб, чтобы сыну было куда положить деталь. Он полез ещё глубже и ударился затылком о край полки.

— Дай сюда, — сказала она.

— Сейчас разберусь. Уплотнитель отошёл с одного угла. Если посадить, до осени дотянет.

— Дверь открой, я термометр заберу. Он у тебя над головой.

Сева встал первым. Дотянулся до термометра, достал и подал ей. Потом нашёл на нижней полке миску, спросил, куда слить. Ольга Павловна взяла миску, чтобы он не задевал отца, и отнесла в раковину. Если бы холодильник вовсе не морозил, Андрей принёс бы другой. Старый, с работы, где-нибудь выпросил бы или сам отвёз кому-нибудь дверь и вернулся с чужим холодильником. А так он всегда знал, за что сперва взяться.

— Я за новым собираюсь, — сказала она. — Давно уже. Старый оставим до доставки. Потом вынесешь, если попросишь Севу придержать дверь.

Андрей всё-таки положил уголок туда, где был хлеб. Он посмотрел на сына, потом на пустую миску в раковине. Накануне из машины он уже предложил ей забрать у Дениса деньги и был уверен, что в этом и состоит решение.

— Ты ему набирала?

— Вчера вечером он не пришёл. С утра я набрала. Он спросил, отправляла ли кому снимок. Я спросила, привезёт ли расписку. На этом и поговорили.

— Никакой ему расписки, наоборот, ты не давай.

— Я ему свою и не предлагаю.

Андрей вытер руки бумажным полотенцем, скомкал его и, не найдя ведра под раковиной, положил возле уголка. Ведро пришлось переставить в прихожую, потому что половину шкафа теперь занимал фильтр. Ольга Павловна открыла дверцу под мойкой подальше. За новой белой

коробкой виднелся старый крючок, на котором прежде висело ведро для тряпок. Туда уже толком не подлезешь.

— Есть чек, — сказал он. — Напишем по нему. Дай телефон, посмотрю название.

Она подала ему телефон экраном вверх, предварительно открыв снимки. Он увидел бумагу, увеличил её двумя пальцами. Несколько раз сдвинул снимок, возвращаясь к началу строки. Хотел прочесть, есть ли где-нибудь на листе слово «Юрьевец». Ольга Павловна его тоже не нашла и достала оригинал из-под сахарницы. Андрей сел, положив телефон так близко к листу, что они соприкоснулись краями.

— А они что, сами написали, что у тебя отравление?

— Нет. Денис говорил, что лучше подождать, пока поставит. Ты доешь, Сева. Молоко я сегодня купила.

Сева положил вилку. Он уже успел пронести палец над всем листом сверху донизу, не прикасаясь. Андрей повернул к нему бумагу, которую только что читал сам.

— Вот что он тебе сказал, помнишь?

— Это ты у бабушки спроси. Я в магазин ходил, когда пришёл.

— Тебя бабушка послала?

Сева покосился на неё. Было видно, он помнит, как она дала ему деньги. Было также видно, что на собственный счёт он понимает вопрос только как попытку решить, кто виноват, что обычный вторник пришлось проводить с водой из магазина.

— Я послала, — сказала Ольга Павловна. — Мне тоже страшно было.

Сева вернул ей листок, хотя она его не просила. Андрей очень медленно провёл пальцем по краю телефона, чтобы погас экран.

— Тогда что он хочет забрать? Тут твой адрес вообще где-нибудь есть?

— Именно. Надо сходить к Тихоновой, если дома. Ей устанавливали вчера после обеда. У неё, может, есть.

Андрей поднялся. Сева тоже, потом вспомнил про недоеденный сырник, вернулся за вилкой. Ольга Павловна не сразу догадалась, что оба готовы идти вместо неё. Она достала из комнаты кофту и попросила Андрея положить термометр обратно. Севе поручила присмотреть за кухней, пока они с Андреем поднимутся этажом выше. В прихожей заметила, что уже сама стоит с приготовленным к выходу листком в руке, как будто иначе у Тихоновой с ней не станут разговаривать.

Она вернула лист под сахарницу. Снимка хватит.

* * *

Тихонова никого не пустила дальше лестницы. Всё свободное место в её прихожей занимали две раскрытые коробки. Из одной торчал алюминиевый черенок швабры, в другую была уложена разобранная этажерка, ноги по одному краю, полки по другому. Тихонова собиралась на дачу до воскресенья и раздражалась, что её отрывают от дела, которое она могла закончить ещё вчера.

— Был у меня, — сказала она. — У меня молоденький был. Чай не пил, я предлагала. Какая разница, как его звали?

— Как зовут, никакой. Вам принесли бумагу про воду?

— Конечно. Только я её не искала бы сейчас. Фильтр я уже отдала.

Ольга Павловна отодвинулась от двери, чтобы Тихонова могла выйти с коробкой, если захочет. Андрей наоборот переступил на её сторону от перил. Из-за этого Тихонова посмотрела на него гораздо дольше, чем на Ольгу Павловну.

— Он сам его снял? — спросил Андрей.

— Позвонила дочери. Она сказала снять. Мы с ней коробку отцепили, а мальчик потом кран привинтил обратно и забрал своё. Всё.

— А деньги вам вернули?

— Денег я ему ещё не дала. Я же его на дачу просила. Он меня стал уговаривать тоже здесь поставить, я сказала, сначала привезите туда. Не поехал. С бумагой этой что?

Ольга Павловна достала телефон. Мелкие цифры на снимке отражали окно площадки. Тихонова забрала у неё телефон, отклонила его от окна и поднесла к себе. Картинка открылась вся. Слова «резервуар» будто и не было, пока Тихонова не произнесла его, почти шёпотом, водя по экрану ногтем. Потом вернула телефон.

— У меня написано было просто «ваша кухня». И мой номер квартиры.

— Взяли у вас откуда-нибудь воду? — спросила Ольга Павловна.

— Я сама стакан подавала. Не на кухне, в ванной, потому что там чистый налёт был, лучше видно. У меня и сейчас этот стакан стоит, хочешь покажу?

Тихонова отодвинула швабру своей рукой, потом вывернула корпус, обходя этажерку. Ольга Павловна осталась на месте. Андрей опёрся плечом о стену. Она знала, как он стоит, если хочет что-то ей сказать при других и решает потерпеть до дома.

Тихонова вернулась со стаканом. На дне белело круглое пятнышко, сосредоточенное возле одного края.

— Вот это и показывал. До обеда приезжал, потом вернулся. Бумагу вечером уже принесла девочка. Мы к этому времени с дочкой краник открутили, у неё дома такой же, пока разобрались, поцапались. Я девочке сказала хоть бумагу забрать, она ответила, нам эти раздавать велено. Положила на этажерку. Надо глянуть, пока я всё не увезла.

Спустя несколько минут лист нашёлся под упаковочным полиэтиленом. У Тихоновой были четыре строки, обведённые рамкой с картинкой кухонного крана. Нигде не было номера пробы. Снизу стояло «ваша кухня», номер квартиры дописан от руки крупными прямыми цифрами. Ольга Павловна заглянула чуть ли не со щеки Тихоновой и поняла, что та сделала шаг назад.

— Можно сфотографировать? — спросил Андрей.

Тихонова забрала лист у Ольги Павловны и сунула под полки в коробку.

— Мой адрес можно не снимать. Ты мне скажи, зачем, и я решу.

Андрей раскрыл рот, а Ольга Павловна протянула ему телефон.

— Подержи. Я сама скажу.

Он взял телефон. Тихонова вышла на площадку, потянула дверь к себе, чтобы этажерку было хуже видно из подъезда. Ольга Павловна объяснила, что деньги ей пообещали в обмен на лист, а когда она попросила сделать отметку, продавец передумал. Тихонова выслушала, прищурившись. Она наконец показала Ольге Павловне раскрытую ладонь, где лежала плохо прижатая клейкая полоска от упаковки. Полоска пристала к пальцам. Тихонова пропустила момент, когда её можно было вытряхнуть, и теперь они все трое стояли, ожидая, кто найдёт, куда её деть.

Андрей достал из кармана уголок от бумажного платка. Тихонова прижала к бумаге ладонь. Обрывок полиэтилена легко отлепился.

— Без номера квартиры, — сказала она. — И через дверь ко мне никого не посылай. Мне хватило дочери.

Андрей отдал матери телефон. Ольга Павловна накрыла номер квартиры плотным краем чистого конверта, который Тихонова достала из коробки. Сфотографировала. Тихоновой показала сразу, хотя солнце на экране мешало обеим. Снимок она сделала не ради Андрея. Ей нужно было, чтобы Тихонова могла потом сама сказать, чего именно она им позволила.

Они вышли из подъезда, когда у входа на бортовую машину грузили мебель. Андрей остановился у пыльного фургона и спросил, будет ли мать ставить холодильник на своё ста-

рое место, если купит узкий. Ольга Павловна сказала, что всё равно посмотрит сперва высокий, чтобы не хранить компот в дверце. Сладкие потёки с края кувшина она оттирала каждую неделю.

— Я мог бы отвезти тебя сейчас. Есть который понравился?

— Зайди за мной вечером. Днём двери открыты.

— Магазина?

— У меня. Люди туфли забирают.

Он кивнул и ушёл в другую сторону, к машине. Потом вернулся под козырёк подъезда и достал из кармана белый уголок, который успел завернуть в оставшуюся бумагу.

— Я этот отдам. Тебе оставлять точно не надо?

— Отдай, — сказала она. — И Севу с собой забери. В среду ему музыка.

Андрей рассмеялся, и она впервые за утро узнала в нём того человека, с которым можно договориться ещё о чём-нибудь, кроме еды, школы или собственной глупости. Она спросила, кто теперь работает у них на приёме воды. Он подумал и сказал, что дежурные меняются. Есть одна Нина, её отец всё игрушки чинил, у Севы синий автобус до сих пор ездит, если самому слегка толкнуть. Нина принимала воду, когда он приезжал по заявке чинить им оконную ручку. Он мог спросить, умеет ли она смотреть старые бланки, у неё, наверное, сохранился номер рабочего телефона.

— Спросить можно, — сказала Ольга Павловна. — Картинку пока не шли. Я сама покажу, если скажет, что возьмётся.

Глава 3. Номер на сгибе

Пётр выложил перед дочерью плоский ключ и стал шарить по ящику под обувной щёткой. Нина держала новую полку вертикально, уперев её голым краем в ковёр. В это время ей написали про воду. Телефон был в заднем кармане. Чтобы достать, нужно было положить полку, а отец уже дважды просил подождать и не класть.

— Ты ищешь шурупы? — спросила она.

— Шурупы в коробке. Я ищу пакет от ключа.

— Этот от чего?

— От нижней двери. Я верхнюю менял, теперь нам оставляют нижнюю. Ты пальцы убери, там заусенец.

Она убрала большой палец и перехватила полку. Ей не нравилось слово «нам». Когда отец объяснял, что нужно исправить дома, выходило, что они до сих пор живут вместе. Два года назад, когда она съехала из общей квартиры, он разделил всю их посуду по цветам. Синие чашки отдал ей, белые поставил у себя. Если бы он выбирал по собственному вкусу, всё получилось бы наоборот.

— Это твой ключ, — сказала она. — Себе оставь. У меня от твоей двери уже есть.

— Это от двора, Нин. Если вдруг меня не найдёшь. Мы там с понедельника будем.

Она поставила полку на пол, удерживая за короткий торец. Отец дёрнулся подхватить. Она удержала сама, полка чуть проехала по ковру и упёрлась в стенку ящика.

— Кто это «мы»?

— Верины. Она мне старый отпариватель принесла. Заодно надо у ворот крепление переставить. Ты же видела там, когда за мной приезжала.

Нина видела пустые ворота. Пётр в тот раз опоздал настолько, что они пропустили начало сеанса, на который она купила два билета. Он вышел с чьим-то белым пакетом и попросил по пути забросить в соседний дом. Нина тогда зашла следом за ним, покрутила в руках щеколду, которую он так и не успел прибить, и положила на шкаф. Из кино она знала первый кадр по рекламному плакату, остальное вспомнить не получалось.

— В следующий раз бери свой телефон, — сказала она. — Я тебе звоню, у Веры отвечает кто-то другой.

Отец вынул из кармана пакет. Под десятком старых столярных меток на нём была написана свежая цифра шесть. Он и раньше держал мелочь в карманах и искал в ящиках. Нина не спросила, какой ключ туда должен был лечь в этот раз. Если Пётр собирался что-то ей оставить, отговорить его удавалось только до того, как он принёс вещь.

Она вытащила телефон. Сообщение от Андрея Вьюнова, который весной менял им оконную ручку. Он спрашивал, может ли мать показать два листа про воду. «К частному вопросу. Не у вас на работе, если можно». Нина посмотрела на отца. Он всё-таки использовал пакет, положил туда ключ и подвинул к ней по полу.

— У неё обувь чинили? — спросила она. — Вьюнова, в доме с галереей на первом этаже.

— У Оли. Твоя мама к ней сапоги носила. Восемь лет носила, потом Оля их выбросить велела. Через неделю новые едва подобрала.

— Это сын Ольги Павловны. О воде хочет спросить.

— Спроси, что случилось. Может, поплавок в бачке опять заело. Валера на него всё жаловался.

Нина написала Андрею, что сможет через час подойти к дому, если Ольге Павловне ещё удобно. Телефон убрала. Отец всё стоял посреди прихожей с тонкой отвёрткой, которую наконец нашёл в ящике. Нина поддела ключ носком и отодвинула от стены. Перенесла полку реб-

ром на свет. В полке было два отверстия с одной стороны и ни одного с другой. Она молча перевернула её, чтобы отец увидел.

— Это у неё хорошая сторона, — сказал он. — Будет к стене.

Нина удержала полку в руках.

— А мне хорошая нужна ко мне. Убери ящик, я покажу.

* * *

У Вьюновой на столе сохли две туфли. Ольга Павловна переставила их на пол, на расстеленную газету, чтобы освободить край для бумаги. Андрея не было. Из кухни просматривался узкий проход к двери, куда всё время тянуло прохладой. Откуда-то снизу шёл запах укропа. Нина сняла ветровку и положила её себе на колени.

— Вы смело говорите, — сказала Ольга Павловна. — Если тут разбираться нечего, к ужину ещё успею за холодильником.

— Что хочется выяснить сперва?

— За что деньги принесли. На словах за фильтр, а фильтр стоит. Просит отдать вот это.

Ольга Павловна положила перед ней лист. Нина начала читать с конца, где обычно было ясно, чей стол отвечал за документ. Нижнюю часть бланка срезали при копировании. Заголовок тоже уехал к самому краю. Чёрная рамка, оставшаяся от края копируемой страницы, проходила через строчку с датой.

— Ваш фильтр кто ставил?

— Денис. Номер дать?

— Если понадобится, попрошу. Вот этот лист вам он принёс, уже такой?

— Когда пришёл ставить, показал сразу. Мне показалось, тут про нашу воду. Он наливал из чайника себе, больше тут ничего не наливал. А вот у соседки бумагу видела, у неё кран нарисован.

Ольга Павловна протянула ей телефон. Нина наклонилась ближе, не беря в руки. На снимке четыре напечатанных предложения стояли одно под другим. В третьем упоминалось «отклонение» без слова о том, что именно наблюдали. Ольга Павловна показывала, где закрыт конвертом номер квартиры. Нина спросила, кто разрешил снимок. Ольга Павловна ответила, что сама хозяйка накрыла бы адрес и побольше, будь у неё время.

— Этот лист ни с каким нашим заказом связать нельзя, пока я вижу только фотографию, — сказала Нина. — В нём даже проба не обозначена. А у вас номер есть. Подвиньте, пожалуйста.

Она развернула бумагу к свету. Сгиб пришёлся как раз на цифры. В строке стояло 46-П, рядом слово «повтор». Нина заполнила оба поля сама, в понедельник. В первой распечатке слово не поместилось и осталось только «пов». Ей в тот день пришлось печатать всё заново. Она запомнила номер, потому что заведующая дважды принесла ей на подпись старый лист из стопки на общем столе.

Ольга Павловна перевернула лист, пригладила сгиб большим пальцем. Нина увидела на обороте две суммы, между ними слово «шторы».

— Номер мне знакомый. По этому листу нельзя сказать, что у вас из крана шло. Откуда была вода, я могу уточнить по записи. Кто её сдавал и зачем, пока не скажу.

— А вы из какого у нас места воду брали? Вы сами там были?

— Я работала уже с пробой. Бутылку в лабораторию привезли, при мне её не сдавали. Я могу узнать, что дежурный записал при приёме.

Ольга Павловна поправила бумагу. Она успела взять со стола нож для кожи, чтобы приложить к задиравшемуся краю, потом положила нож обратно в коробку с кнопками.

— Когда узнаете, если узнаете, мне сначала скажите. Очень уж бодро другие говорят, что моя вода такая и сякая. От меня никто никуда с бутылочкой не ходил.

Нина согласилась сначала дать ей знать. Попросила разрешения записать номер, а потом вспомнила, что знает его и без бумаги. Записать всё же стоило. В маленький блокнот поместились цифры, слово «повтор» и дата на копии. Для третьей строки пришлось перелистнуть. Она добавила, что ниже видела слово «резервуар», других точных примет не было. Потом прочла написанное вслух. Ольга Павловна поправила её один раз, сказав, что деньги Денис показывал, но в руки ей не давал. Нина зачеркнула слово «принёс» и написала «предложил вернуть».

— Так подойдёт, — сказала хозяйка. — А теперь можете сказать, нормальный у меня фильтр, хотя бы что-нибудь? Я ведь не в долг брала. Мне самой теперь смотреть, что с ним делать.

Нина пошла за ней на кухню. Белая коробка под мойкой закрывала половину шкафа. Ольга Павловна достала два стакана, остановилась и второй поставила обратно. Первый Нина попросила оставить. Она вылила из него в раковину вчерашнюю воду и поставила под обычный кран.

— Как бы тут ни было, из этого стакана мы сейчас ничего не узнаем, — сказала она. — Если решите проверить воду, решите сначала, откуда она нужна. Из старого крана или через фильтр. Сами, чтобы потом не гадать, кто какую брал.

Ольга Павловна закрыла шкаф ногой. Она могла бы спросить, какой кран лучше, но взяла стакан и поставила на стол.

— К нему пока не лезьте, — сказала она. — Мне надо, чтобы так и осталось до понедельника. Придумают потом, что я сняла и не туда поставила.

Нина оставила стакан на месте. У двери она спросила, сколько людей уже видело лист. Ольга Павловна пересчитала на пальцах. Сын, внук над его плечом, Тихонова. Продавец тоже. Но Тихонова видела снимок, а внук бумагу целиком и без очков, с его расстояния всё прекрасно видно.

— Ещё теперь вы, — сказала Ольга Павловна. — Кому вы скажете?

— Сначала человеку, который за наши бланки отвечает. Без вашего адреса. Мне важны номер и то, что он оказался у продавца.

— Тогда я вам сама позвоню в понедельник. Андрей будет весь день на заказах, ему ничего не передавайте.

Они обменялись номерами. Нина надела ветровку и вышла. На лестнице она обнаружила в кармане пакет, который отец не давал ей в руки. Небольшой, со сложенным горлом. Должно быть, Пётр переложил его, пока она выбирала, какой стороной повернуть полку. Нина достала ключ. На нём было два выступа и тонкая риска возле ушка. До сих пор она думала, что помнит двор целиком, потому что один раз ждала у незакрытых ворот. У двери могла быть совсем другая сторона.

Глава 4. Из старого шкафа

Понедельник Инна начала тем, что вынесла из приёмной стул и подставила его под открытое окно во дворе. Кто-нибудь рано или поздно переставит его в тень, уверяла она. Если вежливо попросить, не переставят. А так сядет пожилой человек на солнце, потом попросит другого, и на неделю вопрос решён.

Нина вышла во двор через чёрный ход, не закрывая дверь до конца. В обеих руках у неё были чашки. Инна протянула одну ладонь.

— Здесь выпьем, пока никого. Ты хочешь пересесть?

— В понедельник не хочу. Мне прошлый понедельник надо поднять.

— Чего тогда не села?

Нина подождала, пока Инна возьмёт чашку за ручку. Села на бетонный выступ у стены. Над самым ухом висел старый шнур от звонка, которым никто не пользовался. В первый год Нина каждый раз боялась зацепить его плечом. Теперь облокотилась на стену, поставила рядом чашку и спокойно достала блокнот.

— Сорок шесть, буква «П». Слово «повтор». Помнишь, я исправляла распечатку?

— Вспоминаю. Кому наши листы понадобились в выходной?

— У женщины, которой продали фильтр, оказался обрезанный экземпляр. Номер напечатан. Ни её адреса, ни нашей подписи. С другой стороны были её записи, я не стала снимать.

Инна поставила чашку на подоконник, потянула за шнур, убедилась, что тот всё ещё держится.

— Ты ей что сказала?

— Что по этой бумаге ничего про её кран сказать нельзя. И хочу убедиться, что именно наш экземпляр попал в подъезд.

— Так и записать, что фирма раздаёт наш анализ, я пока не могу. Есть у неё снимок, который она готова нам показать?

— Есть. Если сама разрешит, перешлёт.

Инна наконец присела на вынесенный стул. Ноги у неё не помещались между сиденьем и бетонным выступом, она вытянула их обе вдоль стены. Смотреть на Нину теперь приходилось сбоку. Инна допила кофе, вынула телефон и развела на экране пальцы. Лицо у неё вдруг стало будничным, как у человека, который уже нашёл в доме пропавший ключ и теперь выясняет, почему вслед за ним пропала ложка.

— Подожди, — сказала она. — Давай тут останемся. Что за фильтр?

— Белая коробка, фирму спрашивать не стала. У неё чек в телефоне. Они сами пришли за листом и предложили вернуть деньги.

— Продавец звонил?

— Пришёл с наличными.

— В пятницу? После половины двенадцатого?

Нина не смогла назвать точнее. Инна повернула телефон. В пятницу в короткий промежуток до обеда ей звонили с незнакомого номера. Мужчина спросил, можно ли аннулировать результат, если перепутали воду при отборе. Инна ответила, что сказать можно всё, но к выполненной работе они добавят заявление с объяснением и сохранят первоначальный лист. Тогда мужчина спросил, была ли вообще выполнена работа по 46-П. Инна предложила ему приехать с заказом и удостоверить, что он обращается по своему результату. Он сказал, что заедет. После этого никто не появлялся.

— Может, увидел у неё и решил проверить, — сказала Нина. — Может, два человека.

Инна убрала телефон.

— Ты свой блокнот мне покажи. Я номер телефона туда допишу, раз тебе ответ придётся давать. На работе потом лучше по отдельности сядем. Мне эту историю вообще-то сегодня директору нести.

Нина подала блокнот. Инна записала только время звонка и последние цифры номера. Потом она вернула блокнот раскрытым. Нина увидела косой наклон цифр под собственной записью. Если прийти к Ольге Павловне с таким блокнотом и сказать «нам звонили», можно было бы сразу услышать, звонил ли Денис с того же номера. Инна словно следила за этой мыслью. Сказала, что первыми будут спрашивать у покупательницы разрешение показать лист. Нина кивнула. Они раньше никогда не договаривались между собой, кто из них куда пойдёт после разговора с клиентом.

В комнате за приёмной пахло просохшим деревом. Окно закрыли, под ножки стола кто-то сунул серый картон. Инна села на место Нины, чтобы не вставать второй раз, потом подвинулась вправо. В рабочей записи о 46-П стояла дата поступления, пятница 9 мая, утро. Приёмная была закрыта, но в тот день дежурил сотрудник, и о бутылке договаривались заранее. Заказ оплатили при доставке. Готовый лист выдали двенадцатого, в понедельник, до трёх. Нина нашла в своей записи, что обработала именно повтор. У первого заказа, от конца апреля, стояли те же две цифры без буквы. Место для сравнительного исследования обозначили коротко, «ремонтный двор, Р-6». В полях, заполненных при сдаче бумаги, был дописан резервуар.

— Это кто так назвал? — спросила Нина.

— Подавший заявку. В журнале приёмки только его подпись. Мне надо найти, на чьё имя заказ.

Инна встала. В коридоре щёлкнул дверной язычок, кто-то прошёл к приёмной и два раза позвал её по имени. Она подняла руку, будто позвавший мог увидеть её сквозь стену.

— Потом можно посмотреть? — спросила Нина.

— Пока можно задавать вопросы. С бутылкой я тебе не помогу. Дежурил Костя, у него на неделе отгулы. А вот клиент может рассказать, зачем взял. Я сегодня ему позвоню.

Инна пошла к двери. Нина поймала её уже в коридоре.

— Если окажется, что это кто-то из наших знакомых, ты мне скажешь?

Инна встала так, чтобы Нина тоже увидела ожидавшего мужчину. Тот держал за ручку цветную сумку. Его взгляд ходил от одной к другой. Инна назвала ему кабинет, повернулась к Нине и ответила тише.

— Если окажется, что это твои знакомые, ты мне сама скажи, хорошо?

Нина осталась посреди коридора. Из приёмной засмеялись, мужчина сказал, что у него сумка с прошлого раза, потому и ходит с ней, а в ней теперь только завтрак. Через стену всё это было отлично слышно. Нина вернулась к столу, села на своё место и дописала к номеру три слова, которых прежде не было. Потом вынула из кармана ключ. Цифру шесть отец написал на пакете, не на ключе. Если переставить ключ в другой пакет, никакого номера на нём не окажется.

* * *

Вечером отец стоял у раковины в своём пальто. Дверь он открыл Нине локтем, будто ждал посыльного. На крючке висели два мокрых полотенца. На столе лежала деревянная ложка, которую он обточил до половины прежней толщины. Рядом в чайной чашке мокли старые металлические ручки.

— Не уходи, — сказала Нина. — Я ключ вернуть.

— А я тут. Куда мне уходить?

Отец снял пальто, осторожно выдернул из рукава другой ключ и положил его на сухую салфетку. Нина поставила рядом пакет. Он сгладил пальцами новую цифру, будто проверяя, досохла ли надпись.

— Та дверь ещё старая, — сказал отец. — Я замок завтра навешу приличный. Могу тебе второй сделать.

— Почему шесть?

— Нижняя дверь, я тебе говорил. Верхняя Пятая, нижняя Шестая.

— Вера так считает?

— Вера вообще свои номера ставит. У нас раньше склад шестой был. У того угла.

Нина положила блокнот на стол, не открывая. Пётр заметил его. Он взял чайную чашку и перевернул в раковину. Ручки упали одна поверх другой, коротко лязгнув. Пётр переставил одну подальше, чтобы достать обе правой рукой.

— Тогда послушай меня, пожалуйста. У тебя там Р-6 может что-нибудь означать?

Он перестал перекладывать ручки. Одна осталась лежать на сетке над сливом. Нина услышала, что к входной двери подошёл кто-то в обуви с каблуком. Человек остановился и пошёл дальше. Отец подождал, пока шаги стихнут.

— Может, — сказал он. — А где ты это увидела?

— В одном заказе. В пятницу девятого кто-то привёз воду, указал ремонтный двор и Р-6. Подпись я не смотрела. Мне сейчас только нужно понять, как этот номер там появился.

Пётр протянул руку к блокноту. Нина отодвинула блокнот к себе. Он положил ладонь на свободный край стола.

— Кто-то думает, что это ваш двор, — сказала она. — Я у тебя спрашиваю, был ли такой резервуар.

— Есть у меня бумага. Сейчас достану. Ты там у себя ничего пока не подписывай.

— Я не за этим.

Он вытер руки старым полотенцем. В комнате у него остался прежний шкаф, дверцу к которому они когда-то подняли вдвоём и повесили немного криво. Теперь под ней стоял узкий табурет. Отец сначала глянул на него, затем ушёл на кухню и принёс крепкий стул со спинкой. Нина встала рядом. Он достал с верхней полки пакеты, сбоку у одного был загнут мягкий шов. Положил все на стул, завязанный отодвинул. Из второго вынул четыре листа. Два оказались старыми сметами на ограду. С остальными он сел и осторожно поставил ноги по обе стороны стула.

— Это после того как ты ушла с работы вечером, — сказал он. — Двадцатый год. Ты помнишь, я с резиной перепутал? Обещал заехать за тобой.

— За мной ты не приехал, — сказала Нина. — А бумагу покажешь?

Пётр перевернул первый из двух листов. Под названием работы было напечатано «Резервуар Р-6». Дальше шли слова о полной разборке. Чернила на последней строчке чуть размазались. Нина увидела с одной стороны фамилию человека, которого не знала, с другой — отца. Роспись с коротким хвостом она видела на многих записках, оставленных под дверью, на тетрадях и даже на ярлычке к старой дорожной сумке. Он всегда чуть поднимал линию в конце. Нина подождала, пока Пётр отпустит край, и только тогда придвинула лист.

— Отсюда я перепишу точное название. Можно?

Отец посмотрел на её пальцы, будто ждал, что она всё-таки потянет лист к себе.

— Вот видишь, — сказал он. — Там написано, что его разобрали.

Она ещё раз прочла, что именно было разобрано, сверила номер и назвала отцу вслух две даты. Пятница девятого мая. Десятое декабря двадцатого года. На вторую дату он кивнул чуть раньше, чем Нина успела сказать год.

— Кто тогда в этом месяце указал этот резервуар? — спросила она.

Отец посмотрел на пакет с ключом. Она так и оставила его на кухне. Отец поднялся, принёс пакет, нащупал ключ сквозь бумагу и положил перед ней. На этот раз рукой больше не подталкивал.

— Там другой ключ нужен, — сказал он.

Глава 5. Кому положено

Во вторник Ольга Павловна подняла над прилавком треснувший детский ботинок, чтобы работнице за стеклом было видно подошву. Работница наклонила голову, задвинула стекло и позвала из дальней комнаты мужчину в синем свитере. Тот подошёл с кружкой. Взглянул на ботинок и спросил, сколько уже у неё взяли за ремонт.

— Это починила я, — сказала Ольга Павловна. — В первом окне мне сказали, что документы здесь. Я к вам пришла за другим.

Она завернула ботинок в бумагу. Правый уже стоял в сумке, теперь их можно было поставить подошвами друг к другу. Мать мальчика обещала ждать до двух на работе и не приносила с собой смены. Ольга Павловна собиралась оставить ботинки ей на кассе, а про фильтр выяснить до того. Над пустым третьим окном было написано «Возврат». Жалюзи за стеклом почти закрылись, из-за них доносился скрип принтера.

— Фильтр, — сказала она. — Двадцать восемь тысяч. Ставили неделю назад. Устанавливал Денис. В пятницу пришёл вернуть деньги, но попросил бумагу, которую привёз с фильтром. Я хочу, чтобы вы мне написали, что нашли ошибку. И номер чека у меня есть.

Мужчина поставил кружку справа от клавиатуры.

— Всё с собой принесли?

— Я сначала хочу посмотреть, как у вас возврат устроен.

— Справку с работы о возврате не дают. Деньги получить можно. Откройте чек, я сверю, к кому вас поставить.

Ольга Павловна достала телефон. Открыла страницу с оплатой, положила перед собой и повернула номером к мужчине. Ему пришлось наклониться. Она придержала нижний край телефона, пока он читал, а потом убрала его в карман. Мужчина вбил несколько цифр. Ему позвонили, он произнёс в трубку «пятая», не пояснив, квартира это или строка в списке, и нажал кнопку на клавиатуре. Принтер за стеной умолк.

— Вам уже предложили, вижу. У вас есть бумага с собой? Тогда идите в третье окно.

— Вы сначала напишите, что за бумагу берёте.

Он принялся разматывать ложечку из салфетки. Салфетка была слишком тесно примотана. Ложка выскочила металлической ручкой вперёд и звякнула о стойку. Мужчина поймал её раньше, чем она успела упасть на пол перед Ольгой Павловной.

— Вы приносили уже что-нибудь на возврат? — спросил он. — Например ботинки эти. Отрезаете бирку, кладёте товар, вам возвращают деньги. Тут снимать пока ничего не надо. Вам даже оставляют вещь.

— Бирку вы за двадцать восемь тысяч выкупили бы?

Мужчина перестал разматывать салфетку. Потом убрал ложку под стойку и сказал Ольге Павловне, что у третьего окна всё объяснят. Подвинул табличку «Перерыв» к середине стекла и отвернулся к телефону. Ольга Павловна поглядела в сумку, чтобы проверить, на месте ли ботинки. Успела. Можно было дойти до продуктового, оставить обувь, съездить с Андреем в магазин и хотя бы измерить холодильник. На телефон Нина прислала короткое сообщение, что номер в работе нашла и может вечером поговорить. Ни слова про то, возвращать ли листок.

— Это правда без фильтра деньги дают? — спросили за её спиной.

Ольга Павловна обернулась. Женщина лет пятидесяти держала в хозяйственной сумке белый картридж, завёрнутый в серый носок. Когда она открыла сумку пошире, стали видны три дырочки от моли. Остальное пространство было занято пластиковыми приборами.

— Маме вчера поставили, — сказала она. — Она теперь вечером боится налить из крана, держит кипячёную до завтра. Я первую трубку сняла, дальше как было, не трогала. Мастер посоветовал всё привезти. Мне бы хотя бы до четырёх, я в смену.

Говорила она быстро, будто обещала чужому человеку и самой себе, что уложится в пять минут. Сумку поставила на плитку и осторожно качнула носком к стене, чтобы не мешала входить. Ольга Павловна спросила, показывали ли матери какой-нибудь лист. Женщина достала из кармашка сложенную бумагу. Развернула только верхнюю половину. В рамке стоял кухонный кран, такой же, как на снимке Тихоновой. Потом, заметив, куда смотрит Ольга Павловна, прикрыла рукой номер квартиры.

— У меня бумага другой вид имеет, — объяснила Ольга Павловна. — Скажите, кто советовал вам везти всё сюда. Тот же человек приходил ставить?

— Ставил Коля. Везти сюда посоветовал соседский мастер, я ему за снятие должна. А Денис по телефону сказал, что ему выбирать, куда ехать. Мы в списке на краю города, можем и подождать. Уже один раз подождали, завтра ей сиделка нужна. Сиделка сама ничего там крутить не будет.

В третьем окне со стуком подняли жалюзи. За ним стояла женщина с завязанными на затылке волосами. Она протёрла выдвижной лоток влажной тряпкой и подождала, пока двое у прилавка заметят, что освободилась. Сумку с картриджем увидела сразу, едва та сдвинулась с пола.

— За установку принято, за изделие отдельно? — спросила она.

Женщина с сумкой назвала две суммы, обе помнила точно. Снятие дома она заказала у другого мастера и тоже знала цену, потому что перевод ещё не сделала. Женщина за стеклом терпеливо подождала, когда будет названа последняя цифра, затем попросила только чек продажи. Положила его под лампу. Через минуту отодвинула к краю стола, со своей стороны стекла.

— По вашему заказу пока передают обращение. Оставьте номер, ждать звонка.

— Кто звонит? Мама сама трубку снимет, если с незнакомого.

— Попросите её пока не снимать. Вы ведь обращаетесь. Телефон ваш?

— Сколько я должна ждать? У меня мать с вчерашнего вечера воду никому не даёт. Сегодня вскипятила соседскую.

Женщина поправила рукав. На запястье под ним обнаружилось замкнутое светлое кольцо, след от часов или браслета. Часы она, должно быть, сняла перед работой. Она взглянула на Ольгу Павловну поверх плеча той, что пришла с сумкой.

— А у вас второй подъезд?

— Вы моего адреса не спрашивали, — сказала Ольга Павловна.

— Денис говорил, что будет женщина с бумагой. Если второй, я могу сейчас выдать.

Женщина с сумкой повернулась к Ольге Павловне. Мгновение назад они стояли в одной очереди. Теперь одной велели ждать звонка, а другой достаточно было назвать подъезд. Ольга Павловна отодвинулась, чтобы не приходилось смотреть через плечо. Она спросила, одинаковый ли у них способ вернуть деньги, если обе готовы оставить номер телефона. Женщина за стеклом посмотрела мимо неё, на соседнее окно. Табличка «Перерыв» стояла ровно посередине.

— Номер сам по себе ничего не решает, — ответила она. — У нас есть поручение по вашим бумагам. Какой подъезд, вы так и не сказали.

Женщина с сумкой закрыла молнию, прихватив край носка. Ольга Павловна помогла ему пройти. Они отошли от третьего окна и остановились у стеклянной двери. Под ней с улицы проникала тонкая песчаная полоска. Женщина сказала, что сейчас уедет к матери и заодно заберёт остальное. Кому передаст картридж, она ещё решит. Лист она хотела положить обратно в наружный карман, но там уже лежали ключи. Ольга Павловна протянула ей конверт, в котором собиралась нести расчёт за ботинки. Помогла завернуть край, чтобы лист не вытряхнулся. Потом записала на конверте свой номер. Позвонить можно было, если обеим понадобятся

слова, сказанные в третьем окне. Женщина прочла цифры, одну повторила вслух, чтобы запомнить.

— Полина, — сказала она. — А вас как?

Ольга Павловна назвалась. Вернулась к третьему окну за чеком, который забыли вернуть Полине. Женщина уже держала его на краю лотка и, увидев, что покупательницы подходят обе, положила бумагу между ними. Полина забрала чек сама.

— Если за своими деньгами вернётесь, — сказала женщина Ольге Павловне, — сначала узнайте, у кого был лист. Взамен другого не примем. По копиям надо разговаривать отдельно.

В прошлую пятницу Денис спросил, не давала ли Ольга Павловна листок кому-нибудь. Она пересказала это слово в слово и спросила, о том же ли разговор. Женщина за стеклом подняла влажную тряпку за самый угол. Под ней осталось несколько капель. Одну она вытерла, две остальные трогать не стала.

— Надо, чтобы знали, сколько их, — сказала она. — Денис объяснит вам, когда увидитесь.

У дверей Полина уже ждала, придерживая створку бедром. Ольга Павловна вышла следом. Женщина за стеклом ни разу не спросила, как работает фильтр. Зато ей нужно было знать, сколько осталось бумаг. На улице Ольга Павловна проверила время. До двух было восемь минут. Она попросила Полину идти, если спешит, и почти побежала к продуктовому, держа сумку с ботинками обеими руками. Полина догнала её у перекрёстка. Мать жила по той же дороге, а пока они шли вместе, можно было ещё успеть вспомнить, кто и какие слова сказал.

Глава 6. Чужой адрес

К тому времени, когда Нина пришла, Ольга Павловна успела вынести на лестницу коврик и снять со стены мерку, оставленную сыном. Мерка была из жёлтого картона. Андрей вырезал её по ширине ниши, написал вдоль края «57 с розеткой», а потом с обратной стороны добавил свой номер телефона. Он в последнее время везде оставлял номер. В ремонтной сумке у него лежали уже разрезанные бумажки на случай, если клиенту нечем будет записать.

— Вы извините за проход, — сказала Ольга Павловна. — У меня сегодня пол видно впервые за три года. Сейчас мне туда захочется что-нибудь поставить.

Нина остановилась у ниши. Холодильник остался в кухне. Андрей утром вытянул его на середину, чтобы добраться до розетки. Серая полоса на полу прерывалась возле старого тапка. Когда нашли второй тапок, Ольга Павловна вынесла оба в коридор, чтобы ногами не искать то, чего больше нет за холодильником.

— Мне сесть где можно, там и сяду, — сказала Нина. — Если у вас пять минут, скажу за пять.

— А если у меня семь?

— Тогда, может, вы успеете переспросить.

Ольга Павловна подвинула табурет к открытому окну. Нине она предложила стул со спинкой и тут же пересела на него сама. На табурете было удобно прижать сумку коленом, а у Нины с собой была сумка. Ольга Павловна надела очки.

— Я нашла этот номер, — сказала Нина. — Результат выпустили у нас. Здесь копия с обрезанными полями. Место записали со слов человека, который привёз воду. Указан ремонтный двор и резервуар Р-6. Вашего дома в записи нет.

— А чьего есть?

— Какого-либо жилого дома там вообще нет. Подробности заказа мы у себя ещё проверим.

Ольга Павловна достала бланк из папки, в которую вечером складывала квитанции за садовый участок. Прежде он лежал под сахарницей. Из-под сахарницы удобно достать в любую секунду, но за три дня она уже дважды проделывала это движение без всякой нужды. Сегодня переложила. На столе остался один зачёркнутый клетчатый листок с часом пятничного визита.

— Можно сюда такое написать? — спросила она. — Чтобы сверху кто-нибудь заметил, что адрес чужой.

Нина посмотрела на оборот. Зачёркнутые суммы были на той стороне, где Ольга Павловна собиралась ей отвести угол. Прежде чем ответить, Нина поднесла лист к свету. Снизу немного просвечивал крупный номер.

— К этому ничего приписывать не будем. У себя отдельно запишем, что видели такой экземпляр. Если вы согласны, мне покажете снимок. У заведующей будет тогда свой. Он нужен, чтобы мы смогли ответить, как результаты попали в магазин.

— Нина, вы про себя спрашиваете или про заведующую?

— Сейчас я спрашиваю про заведующую. Себе сфотографировать ничего не хочу. У меня уже записано, что я видела.

Ольга Павловна придвинула папку. На верхней квитанции стояло имя Андрея. Он в прошлом году вместо неё внёс деньги за проезд к участкам. Когда она предложила перевести ему столько же, сын сказал, что у него до вечера телефон без связи. Позвонил сам через неделю, и уже про другое. Она тогда заплатила наличными за Севин учебник и запомнила цену. Любая сумма у них имела привычку уходить вбок, если её не держали за оба края.

— По этому делу мне кто-нибудь ответит письменно? — спросила она. — Для меня. А то ваш адрес чужой, их адрес мой, а себя я должна каждый раз с нуля объяснять.

— Напишите от себя, что вам дали. Я могу показать, кому передать. У вас будет свой экземпляр. Чужие сведения мы можем вам не выдать. А ваш вопрос о бумаге у нас останется.

— Не надо показывать, что мне написать. Кому отдать, покажите.

Нина ответила, где они принимают обращения. Ольга Павловна достала чистый листок. Написала «прошу объяснить» и остановилась. Нина взяла сумку с колен, поставила рядом и протянула руку к табурету, но в последнюю секунду ничего там не поправила. Ольга Павловна нечаянно ткнула карандашом в бумагу. Получилась длинная черта, которую уже не примешь за подчёркивание.

— А у вас самой что произошло? До этого разговора вы спешили, теперь сидите.

— Я знаю человека, который раньше работал в том дворе. Он показал, что старый резервуар с этим номером должны были разобрать. Вот этого я и не понимаю пока.

— Разобрали или должны были?

— По бумаге разобрали. Мне бумагу показал отец. Найду, что было на деле, тогда можно будет говорить дальше.

— Так это ваш отец там?

Нина кивнула. Ольга Павловна отложила карандаш. Ей захотелось сказать, что она знала Петра и до того, как помнила дочь. Но когда-то знала Петра прежде всего потому, что Валера забирал его после работы на старой машине. Что было у них в сумках, о чём они спорили, она никогда не спрашивала. Пётр дома бывал предупредителен. После похорон он трижды звонил и говорил, что завезёт картошки. Картошка у неё была. В четвёртый раз он принёс одну луковицу и попросил нож. Она разрешила поставить табурет рядом с собой, и он мелко порезал луковицу целиком, не расплескав на пол ни шелухи, ни сока. Если бы сейчас она сказала Нине «мы своего знаем», вышла бы неправда ровно про ту часть, которая ей была нужна.

Она разгладила новый лист и дописала собственный адрес.

* * *

На лестнице постучали. Ольга Павловна подумала, что пришли за туфлями, но в дверь позвонили после стука. Она сняла очки и нащупала их футляр, не сразу попав кнопкой в застёжку. На площадке оказался Сева с небольшим цветастым пакетом. В пакете было молоко. Второй рукой он держал дверь, потому что ручка снова торчала вверх и не хотела встать на место.

— Из машины сказал занести, — произнёс он.

— Андрею скажи, что холодильник сегодня купить не получилось. Пусть ничего не заказывает. А ты сам что хотел?

Сева передал ей молоко, но дверь не отпустил. Он пришёл спросить, можно ли в среду после музыки остаться дома у неё. У друга одолжены ноты, другу нужен обратно лист с карандашными пометками, а учительница потребует сыграть ещё раз. Ольга Павловна спросила, где он может сыграть дома у неё. Сева открыл рот и закрыл. Нигде. Он просто хотел остаться, потому что в среду мать приходит поздно. Говорить об этом в машину он не пошёл бы.

— Оставайся, — сказала она. — На наш стул. Только комната теперь моя под работу. Я там заказы оставлю, не сворачивай их ради себя.

Нина уже стояла в прихожей в ветровке. Прежде чем выйти, она показала адрес лаборатории на маленьком сером листке. Ольга Павловна убрала адрес и сложенное обращение в папку. Потом достала телефон и выбрала снимок бланка. Оборот со шторами ей не хотелось отдавать. Она отправила Нине только сторону с анализом. Попросила передать Инне именно эту фотографию и сказать, что у неё останется её лист.

— Ему, если пришлёт деньги, ничего сразу не возвращать? — спросил Сева, когда Нина спустилась с площадки.

— Кому?

— Кто фильтр ставил. Папа говорит, он за бумагу платит.

Ольга Павловна посмотрела на сына через окно. Андрей стоял у машины с открытым багажником и разматывал длинный провод, уж очень похожий на верёвку, которой когда-то они связывали холодильник при переезде. На противоположной стороне двора кто-то двигал бочонок с рассадой, Андрей поднял голову на звук. Ольга Павловна постучала пальцем по стеклу. Он увидел её и помахал свободной рукой.

— Это мой человек на сегодня, — сказала она Севе. — Другого пока не обещали. В среду приходи со своим пакетом. Не надо сразу отдавать листы. Найдём место.

Она спустилась к Андрею с меркой из жёлтого картона и попросила подняться. Холодильник надо было отодвинуть к стене, пока она не найдёт другой. Уже с площадки она позвала Севу. Он снял с ноги выпадавший тапок, поставил возле двери и босиком придержал створку, пока они входили.

Глава 7. Второй экземпляр

В среду Нина встретила Ольгу Павловну у приёмной. Та принесла два экземпляра заявления. В одном ещё раз написала, как ей продавали фильтр, и приложила распечатку своей фотографии. В другом было меньше слов. Она спрашивала, имеет ли лист отношение к её дому. Перед тем как зайти в лабораторию, она позвонила женщине, с которой познакомилась у окна возврата, и предложила ждать у входа. Полина сказала, что освободится после обеда. Мать всю ночь спала, воду с утра наливала из бутылки. Это она и хотела узнать сперва, прежде чем обсуждать бумаги.

— Мы вам ответим на ваше, — сказала Инна, взяв первое заявление. — Второе вы хотите оставить отдельно?

— Второе для меня. На нём отметьте, что приняли. Сколько их у вас, я сама не сумею сосчитать потом.

Инна отсчитала три листа и положила далеко друг от друга. Она любила, чтобы у человека сохранилась возможность передумать до того, как сверху поставят штамп. В тот раз, когда Нина принесла ей заявление об отпуске без ответа отца, Инна положила его возле чайника и продержала там до полудня. Нина забрала лист, выпавшей недели ей потом так и не вернули. С тех пор она при Инне села бы только на дальний от чайника стул. Ольга Павловна села с ближней стороны. Сама перевернула своё заявление чистым краем наверх и показала, где поставить отметку.

— Ещё кто-нибудь показывал вам этот лист? — спросила она Инну.

— Видела фотографию от Нины. Оригиналы заказов смотрели у себя. Я могу сейчас сверить, что вы принесли, а ответ вы заберёте, когда его подготовим.

— Вы хотите сейчас сверить, я и принесла. Только если понадобится кому-то ещё показывать, у меня на обороте мои дела. Я вам одну сторону согласилась передать.

Нина увидела, что Инна уже взяла принесённую распечатку за оба края, как всё, что готовилась перевернуть. Инна остановилась, отпустила один край и подложила чистую папку. Изображение осталось видно целиком. Папку она придвинула к окну. Под прямым светом чёрная рамка выглядела широким зубцом. Под цифрами проступала светлая полоска. Инна задержала взгляд на ней. Ольга Павловна заметила это и перестала поправлять рядом свою сумку.

— На моём листе было не так? — спросила она.

— Смотреть надо. Вы принесёте настоящий, с оборотом, на пять минут и сможете унести обратно в ту же минуту. А можно ограничиться тем, что уже есть на снимке. Я не обещаю, что это даст разный результат.

— Если можно с собой унести, я его в прихожей возьму. Сегодня Сева у меня, он по пути из музыкальной школы зайдёт. С ним не пошлю. Сама приду.

Ольга Павловна дождалась, пока отметка высохнет, и положила заявление в свою сумку. Инна проводила её до окна приёмной. Там уже стоял худой парень с деревянным ящиком. Он держал его за выемки в боках и пытался одновременно достать телефон. Инна пододвинула стул, парень с благодарностью поставил ящик. Когда он взялся за телефон снова, Ольга Павловна уже закрыла за собой дверь.

* * *

— Я обещала позвонить по заказу, — сказала Инна Нине. — На контактном телефоне никто не ответил. Первый раз музыка, второй раз сразу занято. У них, кажется, стоит рабочий

режим. Попросила перезвонить по общему номеру к вечеру. А раньше этот же человек подписывался при тебе?

— Когда выдавали результат, я видела только конверт из-за шкафа. Ты передала. Кто взял, не помню.

Инна вспомнила двух посетительниц у окна. Одна принесла пачку из копировальной мастерской в арке; лицо второй она не разглядела. Нина знала мастерскую по заказам на печать.

— Если мы спросим у неё под видом проверки, она не вспомнит. А может, зря припишет кому-нибудь копию, — сказала Нина.

— Ты и не спрашивай, кто приходил за нашим листом. Сходи к ним за своей работой, спроси, что можно увидеть на таком экземпляре. С любым листом, который тебе не жалко. А номер я пока придержу, раз сама его узнала.

— Откуда люди знают, что тебе звонить надо было именно в пятницу?

— Мне звонили в приёмную. Кто хотел снять результат, взял номер с какого угодно нашего счёта. А номер пробы ему надо было уже знать. Эта часть меня и беспокоит.

Инна достала блокнот и открыла на своей записи. Рядом с последними цифрами номера поставила две точки. Ни одна не была началом буквы. У Инны так получалось, когда хотелось написать больше, чем человек сказал. Нина перелистнула блокнот обратно на предыдущую страницу и розыскала пустое место. Там записала две версии. Звонили после того, как увидели лист в продаже. Звонили потому, что знали о заказе раньше покупателей. Это стоило разнести по двум строчкам. Словам Инны отвечали обе.

* * *

До обеда Нина успела спуститься к копировщикам. В арке уже тянуло запахом хлеба из машины, водитель помогал женщине снять с плеча ящик. Приходилось идти боком. Нина пропустила их, отодвинулась от стены и увидела под жёлтым стеклом вывеску с тремя услугами. Последняя была «возврат файлов». Ниже мелко написано, что забирают только свой носитель. На стене висел листок с дверными часами, обведёнными шариковой ручкой. Родители по нему узнавали, успеют ли из сада к закрытию.

За прилавком сидела Лида, пожилая женщина с полустёртой полоской от очков по одну сторону переносицы. На рабочем столе горела одна лампа, зато повёрнута была так, что видны и её стол, и чужие руки у края. Нина принесла свой безобидный лист из старой пачки. Попросила снять копию с намеренно закрытым полем. Лида попросила её сначала снять с листа скрепку.

— Сверху закроете до самой цифры? — спросила Нина.

— Сверху могу. Если край под крышкой гуляет, сбоку полоску выведет. У вас весь лист должен совпасть?

— Снизу отрежьте только последние три строки. И чтобы числа до края дошли.

Лида положила один лист на другой и показала, что получится. Чёрная рамка могла получиться, если копировали перекошенную страницу с прикрытой частью. Могла и после того, как обрезали или распечатали чужое фото. Лида провела пальцем вдоль края, потом убрала руку, чтобы покупательница видела, как полоса меняется на свету.

— Вы хотите, чтобы я сказала, где печатали? Тут каждый день по такому по двадцать делают. Дети билеты приносят, им убирать фамилии надо. Одна и та же полоса в разных местах получится.

— Мне этого достаточно. А вы конверты по счёту печатаете, если у клиента листы сразу для нескольких подъездов?

— Листы по счёту, конверты отдельно, смотря зачем надо. Вот женщина для фильтров сама клеила на столе, чтобы не платить за наклейки. У нас хлеб стоял прямо рядом, я ей сказала

подождать, пока перенесут. Тогда кто с бумагами сюда приходит, у него потом вся сумка мукой пахнет.

— Чья женщина?

Лида опустила крышку. Машина загудела, хотя печатать уже не надо было. Нина ждала, пока разберутся со счётом за копию. Лида оторвала себе один маленький лист, второй протянула клиентке. Сдачу разложила на стойке по порядку, чтобы можно было одной рукой собрать. Потом посмотрела на Нину поверх оправы.

— Чья, я не знаю. Из конторы у рынка. Одна с короткими волосами приходила, а эта подлиннее и на затылке носит узел. Положила с собой сложенные листы. Я всегда чужие вещи прошу унести. Оставит, кто следующий возьмёт, потом скажут, я выдала.

Нина вышла, держа в руке свой лист с ровной полосой. Она знала теперь только то, что кто-то из конторы пользовался копировальной стойкой и складывал пакеты там же. Один раз Лида видела это сама. Печатали ли лист 46-П при ней, Лида не сказала. В арке машина с хлебом уже уехала, на кирпиче за дверью стояла одна пустая корзина. Нина подвинула её ближе к стене. Если следующая машина не собьёт, корзина там и останется.

Вскоре Инна ответила на её сообщение. Ждать от клиента звонка сегодня перестали. Ольге можно было сообщить письменно, что её адрес к результату отношения не имеет. По поводу распространения Инна хотела сперва выяснить, что ответит сама торговая контора. Нина перечитала дважды последнюю строку. Инна там ничего не обещала ей лично. Она написала: «Сообщишь первой Ольге Павловне. Дальше по её согласию».

На ступеньке перед приёмной у стены уже стоял стул. Кто-то за утро переставил его из луча в тень. Нина обошла стул, открыла дверь и убрала свой лист к черновикам. Ольге она позвонила из пустого коридора. Обещание было простое. Чтобы его выполнить, теперь надо было слышать, что скажет та женщина, а не воображать это заранее.

Глава 8. Чужой винт

В четверг в ремонтном дворе Вера Шаталина не отдавала отпариватель, пока покупательница сама не сняла защёлку с бачка. Та два раза надавила на крышку, потом потянула в другую сторону. Бачок остался в руке. Вера подала ей тряпку и ничего не сказала. Покупательница сама догадалась, что из носика капнет, и подставила тряпку раньше, чем мокрый край достал до стола.

— Вода так и останется? — спросила она.

— Из бачка вылейте, если таскать будете. Можно ещё раз снять, попробуйте сама.

Покупательница поставила бачок обратно. Вера чуть повернула корпус отпаривателя. Когда вещь держали у лица, ничего не видно. Если положить её на бок и уйти на полшага, становятся заметны обе руки и то, чему они друг у друга мешают. Бачок встал на место, легко, со щелчком. Женщина заулыбалась и прямо запястьем продвинула к Вере деньги.

— Я отсюда плечи у курток вытяну. Сама ставила раньше на пар из чайника, пар мне в окно, а рукав там, где был.

— А если на ткани пятно, меня потом позовёте. Сначала покажете пятно, потом будем нагревать.

Женщина завернула шнур вокруг локтя. Ушла с отпаривателем к воротам. Вера пересчитала деньги и положила их в маленькую коробку, на которой из-под новой наклейки выглядывала старая дата. Муж принёс её со склада. Сначала в ней лежали стальные пуговицы. После его смерти пуговицы Вера отдала швее через дорогу, коробку оставила. Она была единственной вещью в мастерской, которую её сын Илья ни разу не предложил заменить, хотя каждый день ставил рядом свою переносную кассу.

У обеденного стола кашлянула Лада. Это была соседская дочь, которая с апреля приходила два раза в неделю посмотреть, как разбирают старую технику. Ей уже исполнилось двадцать три, а за любое предложение заработать руками она принимала замечание, что у неё иначе руки пропадут. С утра Лада вытирала табуреты, хотя Вера попросила начать с фотографии старого пылесоса, потому что у пылесоса владелец и он спросит первым. Табуреты были чистые. Пылесос стоял закрытый, сверху сложили несколько пакетов наподобие подстилки.

— Ещё отнести? — спросила Лада и показала пустую коробку отпаривателя.

— Поставь на дощечку. Мне вместо коробки нужны твои часы. С девяти пришла?

— С половины. Пока чай сделала, были уже десять.

— Пиши половину десятого. За чай я тебе отдельно не вычту.

Лада села на табурет, с которого больше не могла подниматься по хозяйственным предлогам. Достала телефон, посмотрела на экран, потом взялась за старую тетрадь. В тетради от фамилии к сумме шла напечатанная черта. Лада вместо суммы написала время ухода. Вера перевернула тетрадь, поднесла ближе к себе и рядом записала обещанные часы до разборки пылесоса. Тогда позвонил Илья. Когда он звонил, у Веры на столе начинала вибрировать даже коробка с пуговичной наклейкой. Она взяла телефон и дочитала написанное до конца уже держа его у уха.

— У меня покупательница приедет. Ты для неё снимешь замок? — сказал он.

— Кто, за какой вещью?

— За двором, мама. Мы договаривались, что сегодня посмотрит. Полчаса и всё. Я в машине, въезжаю. Старый замок в проходной никто не открывает.

Вера взглянула через матовое окошко. Позади проходной было видно только полосу забора. Туда можно было поставить один мотоцикл и несколько вёдер. Для машины столько места не бывало, пока жильцы переднего дома не перестанут выставлять тележку у ворот. Илья

всегда говорил «въезжаю», если до двора оставалось минуты две. Иногда так и было. Он умел заранее произнести нужное состояние и к приезду считать его обоюдной договорённостью.

— За двором ко мне уже приходили, — сказала Вера. — Я показала, где я работаю. А под навес кто собрался?

— Под навес у неё дела нет. Смотри, чтобы к двум было открыто. Мне надо ключи подписать и взять у тебя настоящие размеры. Чуть позже выйду.

Связь оборвалась. Вера сложила наспех подписанные квитанции двумя стопками. В левой отложила сегодняшние, в правой обещания забрать позже. Вещи её и вещи клиентов передавать вместе со двором Вера не собиралась. Но ей уже приходилось ночью всё вывозить, когда закончилась чужая аренда. Тогда на полу осталось два ящика с винтами. В квитанциях она теперь отмечала, с кем созвониться, если снова понадобится переезжать.

— Разберём пылесос, — сказала она. — Всё, что под рукой, оставь в своём лотке. Потом не будем угадывать, где чей винт.

* * *

Пылесос вскрыли до обеда. Лада вынула из крышки дешёвую изогнутую заколку, застрявшую возле щётки. Дольше всего пришлось вычёсывать серый ком из волос. Лада сделала вид, что не брезгует, пока Вера смотрит. Потом попросила пакет и убрала ком так осторожно, словно внутри могли быть деньги. Когда они закончили, уже подъехал Илья. Вера вышла за ним и сразу увидела, что сопровождает его женщина с погнутой папкой. На ней был светлый плотный костюм, на ногах рабочие ботинки. Ботинки Вера заметила раньше папки, потому что такие подошвы покупала дважды. Первую пару снабдили удобным мягким языком. Вторую делали уже на других колодках, и кровь до сих пор иногда проступала там, где у Веры начинался мизинец.

— Елена Ярцева, — представилась женщина. — Я комнаты смотреть. Мне нужно понять, что сможет открываться по отдельности. И что уже занято.

— Здесь всё занято. Даже пустое.

Елена посмотрела на Илью. Он был занят коробкой с ключами. Ключи высыпались на капот, если половина сопротивлялась, Илья весело встряхивал коробку ещё. На двух ключах висели картонные бирки, обе белые. Елена подняла одну, повернула до светлой стороны и ничего не увидела.

— Кто это место после вас закрывает? — спросила она Веру.

Вера ответила, что пока закрывает сама, а пустое у неё бывает только между заказами. Показала собранный пылесос и пакет под ним. Елена смерила взглядом коробку, телефон на её кармане качнулся, но она не потянулась делать снимок. Присела возле корпуса и поставила папку ребром на колено. Спросила у Лады, кто отнёс снятую деталь владельцу. Лада ответила, что они только что вычистили и ещё не звонили. Елена сказала, что так лучше, и встала.

— Мне предлагают первую комнату, дальнюю и выход под старым навесом, — сказала она. — Я сама занимаюсь закупкой. Если дело устроится, мебель будем чинить понемногу, пока всё подготовят. Через ваш стол ходить не собираюсь. Сначала хочу попробовать провести тележку от стены к воротам. Можно?

Вера позвала Ладу. Та вывела старую тележку, с которой в среду снимали ящики. Елена взялась одной рукой, Илья с другой, и оба стали толкать, как будто каждый собирался идти впереди. Тележка встала поперёк. Лада подошла к ней сзади, приподняла ручку и отодвинула колесо с кирпича. Попробовали снова. Одного угла не хватало, чтобы повернуть. После третьей попытки Вера поняла, что Елена уже сделала все замеры, какие ей нужны. Руками. Илья ещё только приседал с лентой, чтобы отмерить самое широкое место.

— А вторая дверь? — спросила Елена.

— Отпирается. Только ключ у Петра. Он мне нижнюю петлю меняет. Старая дверь ещё закрывается до второго щелчка, дальше бесполезно.

Илья пообещал, что к июню после его работ она закроется до любого щелчка. Елена уронила папку, подняла, провела большим пальцем по смятому углу. Они трое знали, что июнь пройдёт быстрее, чем Илья привык объяснять. Вера могла отпереть боковую калитку и показать другой путь, но там лежали рамы. Передняя тележка с ними просто не разминулась бы. Она сказала, что на этой неделе под навесом люди работают и ей нужно сначала спросить у них.

— Тогда я напишу, что доступ по отдельному согласованию, — сказала Елена. — Кто ответит?

— Я, — произнёс Илья одновременно с Верой.

Елена раскрыла папку, чтобы вписать обоих. Вера назвала свой номер медленно. Илья сказал, что разницы нет, они рядом каждый день, а потом отошёл в угол говорить по другому телефону. Вера знала, что на звонок у него осталось немного заряда. Утром он одалживал её шнур и вернул не на то место. От этого ещё хотелось попросить, чтобы он обязательно взял её номер у Елены по окончании встречи. Вера передумала. Если запись была нужна Илье, он мог попросить сам.

* * *

Пётр пришёл после Елены. Принёс на ладони ровный винт, длиной с мизинец, и выложил его прямо на одну из сложенных квитанций. Вера попросила подождать, пока она запишет, кто оставил пылесос, и закрыть дверь. Пётр нагнулся, замер так, пока не выключится дребезжащий дверной доводчик. Потом примостился на скамью, достал из кармана два ключа и сложил их дужками друг на друга. В старых замках было что-то такое, отчего смотреть на них Пётр мог сколько угодно, а разговаривать с людьми только коротко.

— Твоя дочь спрашивала, когда можно приехать, — сказала Вера. — Утром по телефону. Думала, ты мне скажешь зачем.

— Зачем, сказала?

— Мне про старый двор, тебе — сама. Я попросила, чтобы пришла, когда мы обе закончим работу. Завтра до пяти можно.

— Под навес ей, что ли?

— Это ты сам назвал. Я не предлагала.

Пётр взялся за винт. Вера накрыла квитанцию крайком ладони, чтобы он не унёс её вместе с донельзя спокойным видом. Он взял винт правой рукой, медленно открутил гайку, поставил её рядом. Потом спросил, кому надо показать отсутствие одной старой вещи. Вера не ответила, потому что всё равно решила бы что-нибудь за Нину. Она увидела, что на дверном ключе висит новая картонная бирка. У Петра в пальцах карандаш лёг набок, и он оставил там размытую цифру семь. Ключ он протянул Вере, не показывая, от какой двери.

— Ты скажи, откуда, — попросила она. — А то у меня завелось двое, которые умеют отпирать за всех.

Глава 9. Мастер до шести

Денис пришёл в пятницу в старой куртке. На сей раз он принёс сумку и сразу показал её, словно повод войти уже был у него в руке. Ольга Павловна увидела серый шов на рукаве и оставила дверь открытой, пока он отряхивал ботинки, один о другой. После вчерашнего дождя картон на лестничной площадке пришлось выбросить. Туфли забрали утром. Правый каблук она подчистила и показала клиентке вместе с левым, хотя та собиралась сразу убрать обе туфли в сумку.

— Я вам проверю, как работает, — сказал Денис. — Мне всё равно тут до шести. Девочка с конторы просила закончить по нашему списку.

— Если за проверку денег не возьмёшь, входи. Бумагу у меня не спросишь, пока не сядешь.

Он поставил сумку на плитку возле двери. Сначала попросил воду, потом перехватил её взгляд и сказал, что у него с собой. Достал из бокового кармана небольшую бутылку и сделал два глотка. Ольга Павловна отступила от кухни, не объясняя, что бутылку можно было открыть и сидя. Ей хотелось увидеть, зачем на этот раз у молодого человека руки свободны, как только ему скажут, что с фильтром ничего не случилось.

Денис открыл дверцу под мойкой. Белая коробка осталась на своём месте. Он пошевелил кран, постоял, прислонившись бедром к шкафу, посмотрел на верхний стык. Ольга Павловна поставила перед ним стакан, но воды не открывала. Он спросил, сколько раз она уже наполняла из него чайник. Она ответила, что несколько. Нисколько, на самом деле. После разговора с Ниной захотелось оставить отдельный кран как он есть, пока сама не решит, что делать. Денис отошёл от шкафа.

— А тут почти ничего не менялось, — произнёс он. — Вам всё равно нужно будет обговорить, снимать или оставить. Я сам бы на вашем месте оставил.

— Ты лучше скажи, в чём тогда была ошибка. Вода у меня чужая или бумага?

— У вас своя.

— Это я и без мастера понимала. Только ты принёс анализ от чужого резервуара и велел из крана не пить.

Он присел на корточки, повернулся к торцу шкафа, будто там всё ещё что-нибудь обнаружит. Сумку оставил за спиной. Когда понял, что искать в ней нечего, выпрямился. Ольга Павловна заметила, что он сперва поднялся на носки, хотя нога уже и так стояла. Поднялся с таким видом, будто задержка относится к больному колену, а не к вопросу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.